

Чэн Цзыянь, срывая одеяло, почувствовал, как его сердце бешено заколотилось. Его спокойствие и хладнокровие полностью исчезли при виде Кэ Чи, лежащего с закрытыми глазами и бледного лица. Он не удержался и потянулся пальцами, чтобы проверить его дыхание, и только почувствовав горячее дыхание, осознал, какую глупость совершил.

Он забыл о раздражении и разочаровании, которые вызвала в нём резкая реплика Кэ Чи, и лишь чувствовал, как сердце сжимается от боли. Он быстро вытащил Кэ Чи из-под одеяла и, торопливо открыв подавитель, ввёл его в железу.

Он подождал немного, пока дыхание Омеги в его объятиях не стало спокойным и ровным, а затем снова положил его на кровать.

Но одежда Кэ Чи и одеяло были пропитаны его потом, словно он только что вылез из воды. Чэн Цзыянь, немного поколебавшись, снял с него одежду, затем достал из ящика чистое одеяло и укрыл его. Поднявшись, он намеревался уйти, но его нога наткнулась на что-то, издав глухой звук.

Он инстинктивно присел, чтобы посмотреть. Это был старый ящик, но было видно, что хозяин очень его ценил — на нём не было ни пылинки, а углы были аккуратно обмотаны скотчем, чтобы избежать повреждений.

У него не было привычки лезть в чужие секреты, и он уже хотел отодвинуть ящик обратно, как заметил наклейку, приклеенную к нему. Чэн Цзыянь не мог вспомнить, откуда она, но она показалась ему знакомой.

Наклейка явно была старой, клей пожелтел, и, возможно, потерял свои свойства. Она была слишком маленькой, чтобы её хранить, но её владелец аккуратно закрепил её скотчем.

На самом деле это была не такая уж редкая вещь — просто подарочная наклейка, которую клали в пакеты с канцелярией много лет назад. Большинство детей, получив её, выбрасывали после того, как наиграются. Но Чэн Цзыянь, который провёл с Кэ Чи несколько лет в юности, понимал, почему тот хранил эту дешёвую и бесполезную вещь.

Он лишь не был уверен, была ли эта наклейка среди тех, что он подарил Кэ Чи много лет назад.

Но тот факт, что Кэ Чи всё ещё помнил годы, проведённые в приюте, и бережно хранил это, вызывал у Чэн Цзыяня, который уже почти не надеялся, чувство радости и облегчения.

Он думал, что его привязанность к этому Омеге, с которым он впервые встретился и сразу же почувствовал мягкость, была лишь сожалением о внезапно прерванной связи. Но когда он увидел, как тот хрупкий Омега из детства превратился в нынешнего Кэ Чи, он снова не смог удержаться от беспокойства.

Он не мог объяснить причину, но он действительно не мог смотреть, как Кэ Чи унижает себя, и не мог позволить ему оказаться в трудной ситуации.

Тихая и глубокая ночь всегда делала людей более чувствительными, и сердце Альфы тоже смягчилось. Вспоминая недавнюю страсть, он снова почувствовал вину и беспокойство.

Он немного поколебался, но всё же не ушёл. Постояв у кровати и посмотрев на Кэ Чи, он тихо вздохнул, обошёл шкафы и стол, служившие перегородкой, и сел на диван снаружи.

Кэ Чи не спал долго. Он проснулся от жжения в горле, его голова всё ещё была тяжёлой, но

тело чувствовало себя относительно хорошо, а одеяло, покрывавшее его, было чистым и тёплым.

Он сжал сухие губы, сел и, заметив, что на нём нет одежды, замер на мгновение. Но на его теле не было следов Альфы, только раны на руках, которые он сам себе нанёс, уже зажили.

— Проснулся? — раздался низкий и мягкий голос Альфы.

Кэ Чи резко поднял голову и встретился взглядом с Чэн Цзыянем, на лице которого читалась усталость.

Каждое изменение в его выражении, каждое проявление настороженности не ускользнуло от внимания Чэн Цзыяня. Он не подошёл ближе, а повернулся, взял чайник со стола и налил стакан воды, поставив его на стол рядом с Кэ Чи, чтобы тот мог легко дотянуться.

— Я ввёл тебе подавитель, можешь не волноваться, — объяснил Чэн Цзыянь, не упоминая первую волну течи и их резкий разговор.

Кэ Чи медленно моргнул, его взгляд упал на стакан с горячей водой. Он догадывался, что Чэн Цзыянь использовал дорогой подавитель, который он сам не мог себе позволить, ведь он не только не имел побочных эффектов, но и помогал облегчить дискомфорт.

Он не понимал, почему этот Альфа так хорошо к нему относится, и боялся принять эту доброту. Он слишком долго находился в темноте, и теперь, увидев свет, он инстинктивно хотел убежать.

— Спасибо... — тихо произнёс Кэ Чи, собираясь спросить о цене подавителя, но его прервал вопрос Альфы.

— А-Чи, директор сказала, что ты давно не был в приюте.

Кэ Чи дрогнул, резко поднял голову и уставился на Чэн Цзыяня, всё его тело дрожало от внезапной волны эмоций. Его глаза, высохшие от слёз, снова покраснели, а голос, полный уязвимости, дрожал:

— Ты... как ты знаешь?

Его недоумение содержало множество невысказанных вопросов.

Как этот Альфа узнал его настоящее имя? Откуда он знает, откуда он родом?

Этот внезапный, но естественный вопрос разжёг в Кэ Чи нереальные надежды. Этот Альфа в некоторых моментах был слишком похож на того, кого он встретил в детстве.

Даже если тот человек, который подарил ему надежду и мечты, ушёл без предупреждения, не оставив ни слова, заставив его гасить последний свет в бесконечном ожидании и разочаровании, он всё же хранил этот огонёк, единственный, в глубине души, никому не показывая.

А Чэн Цзыянь, который изначально не был так уверен, увидев его реакцию, почувствовал, как камень с его души упал. Он тайно вздохнул с облегчением, но тут же на него нахлынули новые заботы.

Он лишь смотрел на Кэ Чи несколько мгновений, не отвечая, а затем спросил:

— Ты помнишь, чьё имя ты называл вчера ночью?

Кэ Чи, измученный течкой, естественно, не помнил, что бормотал в бреду. И, помимо этого, он боялся, что его скрытые слабости и надежды случайно проявились, сорвав с его последнего уязвимого места все его внешние маски.

— Не помню, — отвернулся Кэ Чи, его взгляд, скрытый под густыми ресницами, был неуверенным. — Возможно, это был какой-то из прошлых клиентов.

После его слов в воздухе повисла короткая пауза, пока Альфа, пристально смотревший на него, не вздохнул, стараясь не поддаваться его внешней уверенности:

— Какая неудача. Ты назвал человека, которого я знаю. Насколько я знаю, он уехал учиться за границу несколько лет назад и вернулся только пару месяцев назад. Вряд ли он был частым гостем, по крайней мере, не здесь.

Он сделал паузу, смягчив тон, чтобы показать немного настойчивости:

— Кто такой Цзыянь?

Кэ Чи сузил глаза, его дыхание замерло.

Он был в замешательстве, лишь торопливо отводя взгляд от Альфы, пытаясь в хаосе мыслей собрать остатки разума, чтобы не выглядеть слишком растерянным, и даже смог ответить холодно:

— Какое это имеет к вам отношение?

— Разве? — Чэн Цзыянь смотрел на него, его взгляд наполнился ожиданием и мягкостью. — А-Чи, те рисунки с надписью «Для брата Цзыянь» — это всё мои выдумки?

Едва он закончил фразу, как лицо Кэ Чи, и так бледное, стало ещё блее, и он словно оказался на грани какого-то невероятного краха.

Радость встречи спустя годы, недоумение от внезапного ухода, абсурдность судьбы и чувство нереальности — всё это пронеслось через его долгое время пустое сердце, как ураган, громящая и сотрясая его.

<http://bllate.org/book/16759/1562890>